

Научная статья

УДК 861.161.1

DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-195-210

**Семиотический аспект имени собственного:
об интересе Паисия Лигарида к этимологии имени**

Светлана Климентьевна Севастьянова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
sevask@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9131-3285>

Аннотация

Цель статьи – объяснить способ, при помощи которого Газский митрополит Паисий Лигарид трактовал значение имени *Алексей*. В посвящении царю Алексею Михайловичу, открывающем первую часть книги о церковном суде над патриархом Никоном, обращаясь к русскому правителю, митрополит, вместо имени использовал метафоры «спаситель», «избавитель», «освободитель», «боголюбец» и «христолюбец». Эта риторическая фигура, хорошо известная в русской письменной культуре с древнейших времен, восходит к византийским приемам украшения речи. Стремясь раскрыть содержание новых коннотаций в имени *Алексей*, возникших в середине XVII в. в связи с активно эксплуатируемой греками идеей об освободительной миссии Алексея Михайловича на христианском Востоке, Лигарид разбил имя на буквы, «нарастив» каждую до слова. Содержание получившейся фразы соответствовало профетическим настроениям современности. Этот способ, внешне схожий с алфавитным акростишием, не был знаком русской барочной культуре, знавшей много «игр» с буквами и словами. Данный принцип выявления скрытого смысла слова не прижился в православной традиции, где имя собственное определяло судьбу человека и обладало сакральным значением, не нуждавшимся в поэментной

© Севастьянова С. К., 2022

расшифровке и понимаемом как целое, в отличие от множества смыслов, получаемых при помощи манипуляций с буквами и жонглирования словами.

Ключевые слова

Газский митрополит Паисий Лигарид, *Книга о соборе*, царь Алексей Михайлович, имя *Алексей*, риторическая фигура речи, атомизм, азбучный именник, акростих, экспозиция

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-28-00153 «Сочинение Газского митрополита Паисия Лигарида о суде над патриархом Никоном: перевод и исследование»

Для цитирования

Севастьянова С. К. Семиотический аспект имени собственного: об интересе Паисия Лигарида к этимологии имени // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 195–210. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-195-210

Semiotic Aspect of the Proper Name: On the Interest of Paisius Ligarides in the Etymology of the Name

Svetlana K. Sevastyanova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
sevask@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9131-3285>

Abstract

The purpose of the article is to explain the way in which the Metropolitan of Gaza Paisius Ligarides interpreted the meaning of the name *Aleksei*. In the dedication to Tsar Alexei Mikhailovich, which opens the first part of the book about the ecclesiastical trial of Patriarch Nikon, addressing the Russian ruler, the metropolitan used the metaphors “savior”, “deliverer”, “liberator”, “lover of God” and “lover of Christ” instead of a name. This rhetorical figure, well known in Russian written culture since ancient times, goes back to the Byzantine methods of decorating speech. In an effort to reveal the content of new connotations in the name *Aleksei*, which arose in the middle of the 17th century in connection with the idea of the liberation mission of Alexei Mikhailovich in the Christian East, actively exploited by the Greeks, Ligarides broke the name into letters, “building up” each to a word. The content of the resulting phrase corresponded to the prophetic moods of our time. This method, outwardly similar to the alphabetic acrostic, was not familiar to Russian baroque cul-

ture, which knew many “games” with letters and words. This principle of revealing the hidden meaning of a word did not take root in the Orthodox tradition, where a proper name determined the fate of a person and had a sacred meaning that did not need to be deciphered element by element and understood as a whole, in contrast to the many meanings obtained by manipulating letters and juggling words.

Keywords

Metropolitan of Gaza Paisius Ligarides, *Book about the cathedral*, Tsar Alexei Mikhailovich, name *Alexei*, rhetorical figure of speech, atomism, alphabetical name book, acrostic, exposition

Acknowledgements

The research was carried out as part of the Russian Science Foundation project no. 22-28-00153 “Metropolitan of Gaza Paisius Ligarides’ composition about the Patriarch Nikon’s trial: translation and research”

For citation

Sevastyanova S. K. Semiotic Aspect of the Proper Name: On the interest of Paisius Ligarides in the Etymology of the Name. *Critique and Semiotics*, 2022, no. 2, pp. 195–210. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-195-210

Среди сочинений Газского митрополита Паисия Лигарида (1610–1678), составленных в период его пребывания в России с 1662 г., «Βιβλίον συνοδικὸν περιέχον τὰ κατὰ Νίκωνος πατριάρχου Μοσχολίας ὑπὸ Παΐσιου μητροπολίτου Γάζης, ἀνατεθὲν τῷ αὐτοκράτορι πασῶν τῶν Ῥωσσιῶν Ἀλεξίῳ Μιχαήλοβιτζ, ἐν ἔτει 1668» («Книга о соборе, содержащая сочинение Паисия, митрополита Газского, против Никона, патриарха Московского, представленная императору всея России Алексею Михайловичу в лето 1668») ¹ (далее – *Книга о соборе*) занимает особое место [Фонкич, 1994, с. 33–38]. В Москве этот знаменитый церковный деятель стал одним из главных организаторов и участников суда над патриархом Никоном (1605–1681) с присутствием на нем восточных первосвященителей (1666). По поручению царя Алексея Михайловича он вел записи о работе Большого Московского собора, которые легли в основу книги. Оправдывая свою причастность к осуждению московского патриарха-грекофила, негативно воспринятому

¹ Название на греческом языке приведено по рукописи из Библиотеки Румынской Академии № 371 (675). В дальнейшем при апелляции к греческому оригиналу используется текст этой рукописи. Здесь и далее воспроизведение греческого текста и переводы на русский язык сделаны П. А. Рылик, за что искренно благодарим ее.

на христианском Востоке, Паисий завершил *Книгу о соборе* уже в апреле 1667 г., а на следующий год его труд был переведен на русский язык и торжественно поднесен царю. Ни греческий оригинал с автографом Лигарида, ни первый русский перевод с него не сохранились.

Сочинение Газского митрополита известно в трех греческих конца XVII – начала XIX в. и четырех русских списках середины – второй половины XIX в. Несмотря на приобретение в 1850-х гг. Московской Синодальной библиотекой полного греческого списка рубежа XVII–XVIII вв. *Книги о соборе*, историки почти не привлекали для работы эту копию. Да и сегодня в изучении важнейшего для церковно-государственных отношений середины XVII в. вопроса о власти царской и патриаршей этот список не востребован исследователями.

В русском переводе середины XIX в. *Книги о соборе*, кратком и не всегда точном, историка интересует в первую очередь фактологическая сторона изложения, филолога же привлекает литературная составляющая, сильно пострадавшая при переложении как «ненужное», по словам Н. Ф. Каптерева, «вовсе не идущее к делу многоглаголение». Купирование, обеднившее художественную сторону памятника, к счастью, не полностью скрыло оригинальную манеру повествования Лигарида – многогранно талантливого человека, европейски образованного виртуоза пера. В данной статье мы обратились к открывающему первую часть *Книги о соборе* посвящению царю Алексею Михайловичу. Текст этой статьи содержит фрагмент, в котором Лигарид обыгрывает этимологию имени *Алексей*. Содержанием, особенностями изложения данный пассаж привлек наше внимание. Приведем его текст по рукописи НИОР РГБ. Ф. 173.IV (Собр. «Прочие» библиотеки МДА). № 64².

Я полон благих упований, ибо облекся царственным покровительством твоим, как броней, как спасительным всеоружием (Ἀλεξίτικῆ πανοπλία)³. Если бы по слѣдам грамматиков стал // я объяснять буквы, из которых состоит твое имя, то сказал бы, что Всевышній избрал тебя спасителем и избавителем погибшей Эллады: в имени Ἀλέξιος⁴ – А значит ἄρξεις (будет вла-

² Здесь и далее ссылки на ркп. НИОР РГБ. Ф. 173.IV (Собр. «Прочие» библиотеки МДА). № 64 в тексте в круглых скобках после цитаты. Текст воспроизводится в орфографии источника, но без конечной буквы «ер» (ъ).

³ В греч. ркп.: ἀλεξίτικὴν σου ἀλέξῃσιν.

⁴ В греч. ркп.: Ἀλέξιος.

дѣть)⁵, λ – λαοῦ (народом), ε – ελευθέρου⁶ (свободным), ξ – ξενοπρεπῶς (достойно), ι – ἰσμαῖλ⁷ (измаильянина), ο – ολέθριον⁸ (губительного), σ – συντρίβεις (сокрушил)⁹. О будь нам словом и дѣло Ἀλέξιος¹⁰ оборонителем, христороубцем, боголюбцем... Когда-то, когда-то исполнится чудесное проречение: “Предам грѣшника в руки его и, обратившись, отомщу за кровь его”. Когда-то, когда-то воспрянут оба народа, которых языки станут одним языком, и предпримут войну в том мѣстѣ, гдѣ находится камень разсѣвшійся (Голгофа), ибо тогда побѣдят измаильянина (л. 2 об. – 3).

Интерес к имясловю и внутреннему содержанию имени фиксируется в древнерусских письменных источниках почти сразу после принятия Русью христианства: считалось, что имя патронального святого определяет судьбу нареченного; имя изменялось при смене социального статуса; переименование сопровождало монашеское посвящение и принятие схимы [Успенский, 1994, с. 151–163; Успенский Б., Успенский Ф., 2017]. Интерес к поэтической этимологии имени поддерживался с древнейших времен на Руси в иносказательном, основанном на духовном значении имен, назывании великих князей, в метафорическом именовании святых в богослужебных текстах – тропарях и кондаках, в похвалах и панегириках, в житиях христианских подвижников, где объяснялся сакральный смысл их имен.

Древние ономастиконы и приточки, известные на Руси не позднее XIII в., разойдясь во множестве списков, подтолкнули формирование оригинальных языковедческих воззрений и сложение Азбуковника. Интерес к слову и его значению с особой силой актуализировался в русской книжной культуре в XVI в. благодаря обширным филологическим познаниям Максима Грека († 1556). Объяснение «истинного» смысла слова как важная составляющая перевода распространилось ученым греком на область имяречения [Ковтун, 1989, с. 158].

В русской культуре ко второй половине XVII в. интерес к языку и грамматике, риторике и семантике достиг апогея, что выразилось в частности во внимании к скрытой образности имен как принципу литературной работы, в «шифровке» этимологическим смыслом имени автора и адресата, а также в развитии традиции особых конструкторов для названий

⁵ Правильно: «будешь владеть».

⁶ В греч. ркп.: ἐλευθέρου.

⁷ В греч. ркп.: ἰσμαῖλ.

⁸ В греч. ркп.: ολέθριον.

⁹ В греч. ркп.: συντρίβεις (сокрушишь).

¹⁰ В греч. ркп.: Ἀλέξιος.

вымышленных героев в беллетристике и литературе Нового времени [Лихачев, 1970, с. 107–126; Ромодановская, 1999].

Учитывая сказанное, можно заключить, что этимологические штудии Лигарида отвечали существовавшей в России устойчивой традиции интереса к этимологии имени собственного. Способы, которыми он раскрывал семантику имени *Алексей*, могут иметь аналогии с риторическими приемами того времени, используемыми в ономастиконах. Охарактеризуем их.

1. *Риторическая фигура речи* во фразе «О будь нам словом и дѣло Алѣξιος оборонителем, христороубцем, боголюбцем» (л. 3).

Как известно, имени *Алексей* среди правителей Рюриковичей не было; редко встречается оно и у русских князей XI–XVI вв.: его носителем был один из сыновей Евстафия, князя Изборского и Псковского († 1360), чья принадлежность к династии поставлена А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенским под сомнение; св. блг. князь Александр Невский († 1263) принял схиму под именем Алексий, подобранным на основании совпадения первых букв; а князь Олег Святославич († 1115), внук Ярослава Мудрого, в польской исторической хронике Яна Длугоша часто именуется Алексеем и Александром, как считается, лишь по созвучию с его мирским именем [Литвина, Успенский, 2006, с. 112, 464, 466, 467, 542, 591].

Зато у Романовых имя *Алексей* имело особое значение. В честь небесного покровителя прп. Алексия человека Божия († ок. 411; пам. 17 марта) был наречен второй царь династии – Алексей Михайлович (1629–1676), единственный в русской истории правящий Романов с таким именем. Алексеем в XVII в. были названы еще два наследника престола: царевич Алексей Алексеевич (1654–1670), крещенный патриархом Никоном в честь свт. Московского и всея России чудотворца Алексия († 1378; пам. 12 февр.), и царевич Алексей Петрович (1690–1718), получивший имя в честь прп. Алексия, святого покровителя его деда [Сазонова, 2006, с. 427–428].

Греческое по происхождению имя «Алеξίης» имеет корень *ἀλέξω* со значением защиты, обороны, охраны и отвращения зла [Дворецкий, 1958, с. 77]. Но перевод имени в древнерусских словарях и имевших у нас популярность южнорусских грамматиках и лексиконах ограничен значением помощи и поддержки: «посѣбитель» и «посѣбителень» [Ковтун, 1975, с. 314, 335]; «помѣщикъ» [Мелетий Смотрицкий, 1648, л. 362; Памво Берында, 1653, л. 227]. Расширительное же значение имени *Алексей*, которое видим у Лигарида, можно объяснить актуализировавшимися в нем в 50–70-е гг. XVII в. коннотациями, связанными со стратегией власти.

В многочисленных нарративах, приходивших из греческого мира в адрес Алексея Михайловича, настойчиво звучала мысль об освободительной миссии русского царя на православном Востоке. «Всевышній избрал тебя спасителем и избавителем погибшей Эллады» (л. 3), – писал Газский митрополит, видя в великом предназначении московского царя Божественное провидение. Надо сказать, что еще до рождения Алексея Михайловича на него, долгожданного наследника царя Михаила Федоровича, греческие авторы в своих посланиях к первому правителю новой династии возлагали надежды как на «освободителя» «благочестивых христиан» [Чеснокова, 2011, с. 170].

Интерес к древним пророчествам о судьбах христианского мира проявлял и сам Алексей Михайлович. Над литературным и художественным воплощением трактовок власти великих правителей древности в их типологической близости к деяниям правящих Романовых трудились лучшие придворные мастера. В 1667 г. Симеоном Полоцким написана геральдико-эмблематическая поэма «Орел Российский», где второй правитель династии в своих деяниях превосходил Александра Македонского, императора Тита и царя Соломона.

В 1670-х гг. царское книгохранилище пополнили великолепные парадные фолианты, созданные в мастерской Посольского приказа: «Царский титулярник» (1672) – лицевой справочник историко-дипломатического характера, обосновывавший преемственность династий Рюриковичей и Романовых; «Хрисмологион» (1672) – перевод одноименно сборника критских мастеров Франческо Бароцци и Георгия Клонцаса, содержащего выписки из хроник и исторических источников о пророчествах и их толкованиях о будущем христианского мира; «Книга о сивиллах» (1672–1673), содержащая предсказания апокалиптического характера двенадцати странствующих пророков; «Василиологион, то есть сочисление или описание всех царей...» (1673–1674) – историческое сочинение Николая Спафария и Петра Долгово о подвигах монархов ассирийских, персидских, греческих и римских, «иже бяху во всем мире доблестнейшии и мужественнейшии от начала мира даже до ныне»; «Родословная великих князей и государей российских...» (1673) – генеалогический труд герольдмастера Богемии Лаврентия Хурелича, доказывающий родство Алексея Михайловича с правящими домами Европы. Придворные мастера и созданные ими произведения прославляли династию Романовых, литературно и визуально-художественно выражали идею абсолютной царской власти, комплексно

и многогранно раскрывали одну из важнейших составляющих политической мысли своего времени.

В середине XVII в. многие современники Алексея Михайловича, убежденные в том, что он является преемником древних благочестивых греческих императоров в делах веры и благочестия и законном наследовании Константинополя, возлагали надежды на него как на защитника и освободителя православных народов, томящихся под турецким игом. Сравнивая Алексея Михайловича с византийским императором Константином, образ которого в XVII в. в риторически насыщенных и идеологически манифестированных обращениях и посланиях к московскому царю стал топосом идеального христианского правителя, Иерусалимский патриарх Паисий, митрополит Навпакта и Арты Гавриил Власий, Константинопольский патриарх Афанасий Пателар, архимандрит Неофит и другие греческие авторы, обыгрывавшие имя *Алексей* как «защитника» [Мальтезу, 1997, с. 304–305], уповали не только на возрождение греческих земель под сильной рукой российского монарха, но и на объединение русской и греческой православных церквей.

Тема царя-защитника получила своеобразное преломление и от сопоставления Алексея Михайловича с его небесным покровителем. Возникшая в это время так называемая «восточнославянская Алексиада», призванная, по словам Л. И. Сазоновой, создать лестный для царя аллюзийный образ, одновременно разрабатывалась в разных литературных жанрах, иконографии и фольклоре. «Метафорическая ассоциация святой Алексей – тезка-царь придала теме Алексея человека Божия дополнительное измерение и стала средством восхваления “земного Бога”» [Сазонова, 2006, с. 430]. Использование приема этимологического обыгрывания имени внутри «Алексиады» стало приметой стихотворных приветствий Симеона Полоцкого († 1680) и архиепископа Черниговского Лазаря Барановича († 1693). Имя царя – «человека Божьего» – «“защитника”, “помощника” и “хранителя”», по их мнению, не только делало Алексея Михайловича «подражателем» святого в совершенном житии, в отношении к Богу, богатству и всем земным благам, но и «обязывало» царя к государственному служению во благо подданных» [Там же, с. 433, 435, 438].

Таким образом, восклицания Лигарида о царе как «оборонителе» и «спасителе», о «царственном покровительстве» «как броне» и «спасительном всеоружии» соответствовали литературно-художественным и политико-идеологизированным настроениям, сопровождавшим обращения к русскому царю его современников – как соотечественников, так и греков.

А вот употребленные при имени царя метафоры «христолюбец» и «боголюбец» переносят нас ко второму способу этимологических трактовок Лигарида.

2. «Игра» с этимологией. Вскрывая значение имени *Алексей*, Лигарид расчленил слово на буквы и «нарастил» каждую до новой лексемы. Этот способ выявления поэтической этимологии имени не находит полных соответствий в русской культуре. Пытаясь найти аналогии в мировой практике, мы вспомнили о симпатии Газского митрополита к античности [Елеонская, 1978, с. 42], потому в первую очередь обратились к теории атомизма.

Связь атомизма и алфавитного принципа, обнаруживаемая в трудах древнегреческих мыслителей, подробно обоснована в гуманитаристике. Известно, что жившие в последние пять веков до нашей эры Левкипп и Демокрит, Платон и Аристотель, Эмпедокл и Анаксагор, Эпикур и Лукреций Кар в своих теориях о вселенском порядке представляли мир агломератом автономных дискретных элементов, где конечной неделимой и десемантизированной мельчайшей единицей выступал атом. Атомизм как методологический принцип и стиль мышления был распространен ими и на язык в попытке объяснить его происхождение, строение и письмо [Троцкий, 1936; Атомизм..., 2014].

Ставший хрестоматийным фрагмент из платоновского «Кратила» разъясняет аксиому древнегреческой философии о разделении речи на слова, слоги и на буквы (звуки) как минимальные части «имени». Конечным единицам Платон приписывал смыслообразующие функции, обращая внимание на артикуляционные или физические свойства звуков, поэтому отдельные греческие буквы, превращаясь в своеобразные «семантические компоненты», становятся средством выражения качеств и свойств предметов, их движения и статики [Вдовиченко, 2007, с. 19–26].

Если видеть атомический метод в разделительном принципе Лигарида, то окажется, что совпадение с ним лишь внешнее: разбивая имя *Алексей* на буквы, митрополит, во-первых, игнорирует этап слогов, во-вторых, буква у него не имеет ни содержательного смысла, ни артикуляционного значения, а лишь служит началом новых слов. И в этом смысле напоминает детскую игру «в города», когда последняя буква топонима служит первой для нового названия.

Но слова подбираются Лигаридом не произвольно, а таким образом, чтобы, сложившись в предложение по типу акростиха, углубить семантику имени. И в этом смысле поиск аналогий приводит нас к практике усиления

сакрального значения слова, обоснованного в трудах Максима Грека, рассуждавшего о «краегранесии» как о средстве мощного выражения духовного содержания стиха [Сочинения..., 1862, с. 251–252, 253–254].

Однако принцип акростиха, чрезвычайно востребованный в барочной культуре, как и шутивная «игра» буквами, причудливо разбросанными по фразе для сложения в имя [Сазонова, 2006, с. 435], сближается с техникой Лигарида лишь отчасти. Этимологическая «игра» Лигарида привела нас к предположению о возможном его знакомстве в России с азбучным именованием и славянскими алфавитами – среди этих последних, где названия букв достаточно устойчиво присутствуют во всех списках XI–XVI вв., особое место занимает трактат черноризца Храбра в 3-й редакции [Зализняк, 1999].

По заключению Л. В. Савельевой, русская азбука представляет собой первый славянский сакральный текст – особый азбучный «пролог» к чтению и письму, «закодированное» послание создателя азбуки Константина Кирилла Философа. Литтеронимы, почти все относящиеся к определенным частям речи [Загребин, 2006, с. 204], выстроены как «программирующая микромодель письменной славянской культуры», в которой «заложена идеологическая, социокультурная установка, направляющая познавательную деятельность человека», отвечающая «нравственным ориентирам христианства» [Савельева, 1999]. В азбучном акростихе Лигарида, конечно, не названия букв, но слова, которые, как он пишет, «объясняют» буквы. Послание Кирилла, адресованное всем славянским народам на все времена, составлено из «вечных» букв с «вечным» сакральным смыслом. У Лигарида же подбор слов для передачи внутреннего смысла имени может меняться до бесконечности и зависит от тех значений, которые автору необходимо усилить в процессе «игры» с буквами.

Очевидно, что техника объяснения имени *Алексей* у Лигарида имеет другую природу. Поэтому мы обратились к средневековым лингвистическим приемам усиления формальных и кодифицированных значений слов, использование которых, как считается, способствовало рождению современной философии языка [Алпатов, 2005, с. 42–51; Вдовина, 2009, с. 403–427].

По наблюдению французского культуролога Бернара Гене, в Средние века интерес историков к этимологии слов и особенно ономастики уже в IX в. проявился в использовании особого метода, названного «экспозиция» или «композиция». Его суть состояла не в поиске слова, объясняющего происхождение нужного термина или имени, а в дополнении, или

«наращении», каждого слога или буквы, которые в него входят. Подобные объяснения стали занимательными «исследованиями, благодаря которым ученые надеялись лучше объяснить слова, лучше уловить их сокровенный смысл <...> если для каждого слова мы можем указать только одно слово, от которого оно произошло, то экспозиций у него может быть несколько». «Все устремления средневекового знания, – продолжает ученый, – были направлены на то, чтобы превзойти уровень буквы и достичь уровня духа, найти по ту сторону буквального смысла слова его духовный и мистический смысл» [Гене, 2002, с. 214–215, 217]. Газский митрополит знал древние языки, писал и говорил на греческом и латыни; он интересовался грамматикой и лингвистикой, этимологией и риторикой, обладал языковым чутьем: достаточно вспомнить его словесную дуэль с патриархом Никоном во время их личной встречи в Ново-Иерусалимском монастыре в 1664 г. Понимая, что патриарха сильно разозлит его латинская речь, Лигарид стал говорить с ним по-латыни. Никон, убежденный в том, что «латынь – это проклятый язык язычников», потребовал от оппонента перейти на греческий – язык православия, который «адекватно передает то, чему учит Христос» [Успенский, 1996, с. 487, 510, 511].

Грек по происхождению, иезуит по образованию и образу жизни, Лигарид тонко чувствовал людей и умел приспосабливаться к ситуации: будучи учтивым, производил благоприятное впечатление, а при помощи лести легко устанавливал нужные связи. Чтобы упрочить свое положение при дворе и заручиться поддержкой царя Алексея Михайловича, в которой Лигарид нуждался после осуждения патриарха Никона и особенно во время разоблачения восточными святителями истинного положения Газского митрополита в греческой церкви, Паисий использовал все свои риторические навыки и литературные познания для восхваления русского царя и построения панегирических тирад в его адрес. Тема царя-освободителя христианских народов от осман, многогранно эксплуатируемая в сочинениях греков середины XVII в., успешно использована и Лигаридом в этимологическом обыгрывании имени *Алексей*. Прогностическая установка особенно ярко проявилась в упоминании об измаильтянине, которого предначертано «сокрушить» тому, кто носит имя *Алексей*. Параллель с Библией, где измаильтяне (Быт. 25: 16, 18) – потомки Измаила, арабы и бедуины, живущие разбоем и хищническими набегами на соседей, добавляла профетические оттенки к семантике имени русского царя, метафоры «боголюбец» и «христоролюбец» обретали новые, политико-идеологизированные краски. «Игры» в этимологию, жонглирование буквами и слова-

ми, акростишное «наращение» – все эти приемы западной риторической культуры, блестящее владение которыми демонстрировал Лигарид, способствовали восприятию Газского митрополита в России как высокообразованного человека, неординарного автора и талантливого ученого, владевшего риторическими навыками и разнообразными коммуникативными техниками.

Если первый способ обыгрывания имени *Алексей* есть типичная в православной культуре риторическая фигура речи, то второй – манипуляция смыслом и жонглирование буквами и словами, благодаря чему имя собственное обрело множество разных значений. Именно поэтому данный способ объяснения поэтической этимологии имени не прижился в русской культуре – ни барочной, ни Нового времени, где именование даже вымышленного героя базировалось на его сакральном значении.

Список литературы

Алпатов В. М. История лингвистических учений: Учеб. пособие. 4-е изд., испр., доп. М.: Языки славянской культуры, 2005. 368 с.

Атомизм и алфавитный принцип. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2014. № 6. С. 154–184.

Вдовина Г. В. Язык неочевидного. Учения о знаках в схоластике XVII в. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. 648 с.

Вдовиченко А. В. Критическая ретроспектива лингвистического знания. Расставание с «языком». М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 510 с.

Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада / Пер. с фр. Е. В. Баевской, Э. М. Береговской. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. Т. 1. 1042 с.

Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII века. М.: Наука, 1978. 272 с.

Загребин В. М. О названии одной буквы древнего славянского алфавита // Исследования памятников южнославянской и древнерусской письменности. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. С. 203–208.

Зализняк А. А. О древнейших кириллических алфавитах // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сб. к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М.: ОГИ, 1999. С. 543–576.

- Ковтун Л. С.* Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. Л.: Наука, 1975. 355 с.
- Ковтун Л. С.* Азбуковники XVI–XVII вв. (Старшая разновидность). Л.: Наука, 1989. 296 с.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в XI–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006. 904 с.
- Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. 178 с.
- Мальтезу Х.* Греки и Москва – имперский город // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. М.: ИРИ, 1997. С. 300–313.
- Мелетий Смотрицкий.* Грамматика. М., 1648.
- Памво Берында.* Лексикон славеноросский и имен толкование. Кутеинский монастырь, 1653.
- Ромодановская Е. К.* О поэтике имени в древнерусской литературе // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 51. С. 3–8.
- Савельева Л. В.* Художественная структура азбучного именослова: стратегия дискурса // Традиция и литературный процесс: к 60-летию чл.-корр. РАН Е. К. Ромодановской. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. С. 113–121.
- Сазонова Л. И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 896 с.
- Сочинения преподобного Максима Грека. Казань: В Тип. Губернского правления, 1862. Ч. 3. 308 с.
- Троцкий И.* Проблемы языка в античной науке // Античные теории языка и стиля. М.: ОГИЗ, 1936. С. 7–28.
- Успенский Б. А.* Избр. тр. М.: Гнозис, 1994. Т. 2: Язык и культура. 688 с.
- Успенский Б. А.* Избр. тр. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. 608 с.
- Успенский Б. А., Успенский Ф. Б.* Иноческие имена на Руси. М.: Ин-т славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2017. 344 с.
- Фонкич Б. Л.* Греческое книгописание в России в XVII в. // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. С. 18–63.
- Чеснокова Н. П.* Христианский Восток и Россия: Политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (по документам Российского государственного архива древних актов). М.: Индрик, 2011. 288 с.

References

Alpatov V. M. *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy* [History of Linguistic Studies]. Textbook. Moscow, 2005, 368 p. (in Russ.)

Atomizm i alfavitnyy printsip. Materialy “kruglogo stola” [Atomism and the alphabetical principle. Materials of the “round table”]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2014, no. 6, pp. 154–184. (in Russ.)

Chesnokova N. P. *Khristianskiy Vostok i Rossiya: Politicheskoe i kul'turnoe vzaimodeystvie v seredine XVII veka (po dokumentam Rossiyskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov)* [The Christian East and Russia: Political and Cultural Interaction in the Middle of the 17th Century (According to the Documents of the Russian State Archive of Ancient Acts)]. Moscow, 2011, 288 p. (in Russ.)

Dvoretzkiy I. Kh. *Drevnegrechesko-russkiy slovar'* [Ancient Greek-Russian Dictionary]. Moscow, 1958, vol. 1, 1042 p. (in Russ.)

Eleonskaya A. S. *Russkaya publitsistika vtoroy poloviny XVII veka* [Russian journalism of the second half of the 17th century]. Moscow, 1978, 272 p. (in Russ.)

Fonkich B. L. *Grecheskoe knigopisanie v Rossii v XVII v.* [Greek book writing in Russia in the 17th century]. In: *Knizhnye tsentry Drevney Rusi. XVII vek. Raznye aspekty issledovaniya* [Book centers of Ancient Russia. 17th century. Various aspects of the study]. St. Petersburg, 1994, pp. 18–63. (in Russ.)

Gene B. *Istoriya i istoricheskaya kul'tura srednevekovogo Zapada* [History and historical culture of the medieval West]. Trans. from French by E. V. Bavetskaya, E. M. Beregovskaya. Moscow, 2002, 496 p. (in Russ.)

Kovtun L. S. *Azbukovniki XVI–XVII vv. (Starshaya raznovidnost')* [Alphabet books of the 16th – 17th centuries. (Older variety)]. Leningrad, 1989, 296 p. (in Russ.)

Kovtun L. S. *Leksikografiya v Moskovskoy Rusi XVI – nachala XVII v.* [Lexicography in Muscovite Russia in the 16th – early 17th century]. Leningrad, 1975, 355 p. (in Russ.)

Likhachev D. S. *Chelovek v literature Drevney Rusi* [Man in the literature of Ancient Russia]. Moscow, 1970, 178 p. (in Russ.)

Litvina A. F., Uspenskiy F. B. *Vybor imeni u russkikh knyazey v XI–XVI vv. Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki* [The choice of a name among Russian princes in the 11th – 16th centuries. Dynastic history through the prism of anthroponymy]. Moscow, 2006, 904 p. (in Russ.)

Maltezu Kh. Greki i Moskva – imperskiy gorod [Greeks and Moscow – the imperial city]. In: Rim, Konstantinopol', Moskva: sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie tsentrov ideologii i kul'tury do XVII v. [Rome, Constantinople, Moscow: a comparative historical study of the centers of ideology and culture before the 17th century]. Moscow, 1997, pp. 300–313. (in Russ.)

Meletiy Smotritskiy. Grammatika [Grammar]. Moscow, 1648. (in Russ.)

Pamvo Berynda. Leksikon slavenorosskiy i imen tolkovanie [Slavonic Russian lexicon and interpretation of names]. Kuteinsky Monastery, 1653. (in Russ.)

Romodanovskaya E. K. O poetike imeni v drevnerusskoy literature [On the Poetics of the Name in Old Russian Literature]. In: Trudy Otdela drevnerusskoy literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. St. Petersburg, 1999, vol. 51, pp. 3–8. (in Russ.)

Savelieva L. V. Khudozhestvennaya struktura azbuchnogo imenoslova: strategiya diskursa [The artistic structure of the alphabetic name: the strategy of discourse]. In: Traditsiya i literaturnyy protsess: k 60-letiyu chl.-korr. RAN E. K. Romodanovskoy [Tradition and literary process: on the 60th anniversary of Corresponding Member of RAS E. K. Romodanovskaya]. Novosibirsk, 1999, pp. 113–121. (in Russ.)

Sazonova L. I. Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremya [Literary culture of Russia. Early Modern]. Moscow, 2006, 896 p. (in Russ.)

Sochineniya prepodobnogo Maksima Greka [The writings of St. Maximus the Greek]. Kazan, 1862, pt. 3, 308 p. (in Russ.)

Trotskiy I. Problemy yazyka v antichnoy nauke [Problems of language in ancient science]. In: Antichnye teorii yazyka i stilya [Antique theories of language and style]. Moscow, 1936, pp. 7–28. (in Russ.)

Uspenskiy B. A. Izbrannye trudy [Selected Works]. Moscow, 1996, vol. 1: Semiotics of history. Semiotics of culture, 608 p. (in Russ.)

Uspenskiy B. A. Izbrannye trudy [Selected Works]. Moscow, 1994, vol. 2: Language and culture, 688 p. (in Russ.)

Uspenskiy B. A., Uspenskiy F. B. Inocheskie imena na Rusi [Monastic names in Russia]. Moscow; St. Petersburg, 2017, 344 p. (in Russ.)

Vdovichenko A. V. Kriticheskaya retrospektiva lingvisticheskogo znaniya. Rasstavanie s “yazykom” [Critical retrospective of linguistic knowledge. Parting with “language”]. Moscow, 2007, 510 p. (in Russ.)

Vdovina G. V. Yazyk neochevidnogo. Ucheniya o znakakh v skholastike XVII v. [The language of the non-obvious. Teachings about signs in scholasticism of the 17th century]. Moscow, 2009, 648 p. (in Russ.)

Zagrebin V. M. O nazvanii odnoy bukvy drevnego slavyanskogo alfavita [On the name of one letter of the ancient Slavic alphabet]. In: Issledovaniya pamyatnikov yuzhnoslavyanskoy i drevnerusskoy pis'mennosti [Research of the monuments of the South Slavic and Old Russian writing]. Moscow; St. Petersburg, 2006, pp. 203–208. (in Russ.)

Zaliznyak A. A. O drevneyshikh kirillicheskikh abetsedariyakh [About the most ancient Cyrillic abetsedaries]. In: Poetika. Istoriya literatury. Lingvistika [Poetics. History of literature. Linguistics]. Collection for the 70th anniversary of Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov. Moscow, 1999, pp. 543–576. (in Russ.)

Информация об авторе

Светлана Климентьевна Севастьянова, доктор филологических наук, доцент

Information about the Author

Svetlana K. Sevastyanova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 21.02.2022;
одобрена после рецензирования 10.04.2022; принята к публикации 15.04.2022
The article was submitted 21.02.2022;
approved after reviewing 10.04.2022; accepted for publication 15.04.2022*